

ри, сторонники Модреда. Тогда Ланселот чуть-чуть приоткрыл дверь, как раз настолько, чтобы в неё мог протиснуться лишь один человек. Какой-то рыцарь не преминул это сделать. Ланселот тут же захлопнул дверь и, бросившись на бедолагу, обрушил ему на голову меч. Затем Ланселот надел доспехи мёртвого рыцаря и, выскочив на лестницу, стал крушить врагов налево и направо. Таким образом он поверг одиннадцать человек. От удара его могучего меча упал замертво и сэр Модред. А остальные воины, увидев, что их предводитель тяжело ранен, бросились наутёк, увлекая за собой и рыцарей, окружавших башню.

Но Гиньева сказала Ланселоту:

— Ланселот, я опозорена навеки, и мне надо поскорее бежать. Скоро вернётся Артур — гореть мне тогда на костре...

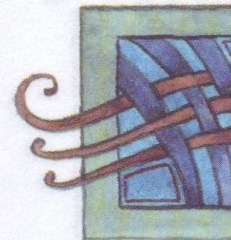
— Ничего не бойся, — ответил ей Ланселот. — Сейчас мы поспешим в мой замок за морем. Замок хорошо укреплён, и там ты будешь в безопасности по крайней мере до тех пор, пока я не погибну.

Ибо Ланселот понимал, что теперь ему не избежать войны с королём Артуром.

Но Гиньева сказала ему:

— Ты, Ланселот, хочешь быть мне защитой? Так знай, этому не бывать: мы с тобой уже распрощались. Ты не спрячешь меня от себя самой. Позор лежит на мне, ведь я и вправду была неверной женой. Ты же был холост. Так что наши с тобой пути теперь расходятся. Я отправлюсь в монастырь. А там — будь что будет!

Тут как раз появился рядом с башней сэр Борс вместе с небольшим отрядом воинов. Он привёл коней для Гиньевры и Ланселота. Ланселот посадил Гиньевру на её коня, сам вскочил на своего, и они помчались сквозь тёмный лес по едва видимым просекам и мрачным холмам, еле освещённым узким серпом луны. Так они скакали до тех пор, пока не оказались на перекрестье двух дорог. Там они, поцеловавшись, распрощались и разъехались в слезах. И отправился Ланселот, исполнив последнюю волю королевы, в свои владения. А Гиньева почти всю ночь летела одна по пустошам и дебрям в Эмсбери. И ей казалось, что она слышит, как стонут духи тех затерянных и страшных мест. «Это

они стонут по мне, — думала королева, — по моей несчастной, навсегда загубленной жизни».

Наконец впереди показались высокие и мощные стены монастыря. Подъехав к воротам, Гиньевра постучала в них молотком, что висел рядом на цепи, и, когда её открыли, сказала монахиням:

— Меня преследуют враги. Впустите меня, святые сёстры, и дайте мне приют. Только не спрашивайте, кто я. Придёт час, сама откроюсь.

Даже уставшая и бледная после долгой и трудной дороги, Гиньевра была столь красива, благородна и величественна, что необычайно понравилась монахиням, и они решили ни о чём её не расспрашивать.

Много месяцев провела Гиньевра в монастыре. Никто её не узнал и своего имени она никому не открывала. Со святыми девами Гиньевра почти не общалась и ни разу за это время не исповедовалась, не причащалась. К ней в келью была вхожа лишь одна юная послушница, которая её прислуживала и беспечно болтовнёй отвлекала от мрачных дум.

И вот однажды до монастыря донёсся слух, что Модред, пока король Артур сражался за морем с Ланселотом, вступил в преступный сговор с язычниками и захватил королевский престол. «Это всё из-за меня, — подумала королева, и в уголках её глаз выступили слёзы. — Как же должны меня ненавидеть и сам король, и все, кто ему предан!»

Юная послушница, которая в этот вечер как раз была в её келье, пожалев её, сказала:

— Не плачьте, госпожа. Мне так хочется вас утешить! Уверена, ваше горе не так уж и велико. Сравните его с горем короля, и вы поймёте: я права. Мало того что короля предала жена, что ему пришлось идти войной на Ланселота, скрывающего королеву в своём неприступном замке. Так теперь ещё сэр Модред, на которого король оставил свой престол, ему изменил. Да, горе короля огромно, не то что ваше! А виноваты во всём, конечно, Гиньевра и Ланселот! Она и он! А ведь прежде мы все считали, что Ланселот благороден, что он преданный друг королю.

«Эта девица знает, кто я, и подослана сюда матерью настоятельницей, чтобы за мной шпионить!» — подумала Гиньевра.

Какое-то время она молчала, словно собираясь с силами, и наконец сказала:

— Что знаешь ты, дитя, про короля и Ланселота? Про дружбу и вражду? Про преданность и предательство? Поверь, государь по-прежнему любит своего величайшего рыцаря, а величайший рыцарь — государя и ни в чём не уступает ему в благородстве. И если Ланселот всего лишь час в жизни был не так уж благороден (когда-нибудь ты поймёшь, что такое может случиться с каждым), молись о том, чтобы он избегнул ада.

— Да, я молюсь о них обоих, — ответила девица. — И всё же я поверю в то, что Ланселот так же благороден, как наш король, не раньше, чем поверю, что вы, госпожа, и есть та грешница, та Гиньевра!

Так это наивное дитя, подобно иным болтунам, желая утешить, задела самое болезненное и, желая исцелить, навредила.

От гнева бледное лицо Гиньевры запылало, и, больше не сдерживаясь, она закричала:

— Хуже тебя нет никого на свете! Орудие в чужих руках, ты подослана ко мне, чтобы меня изводить, терзать и мучить! Подлая шпионка! Изменница!

Когда этот яростный поток наконец иссяк, ошеломлённая послушница побелела как полотно и, трепеща, застыла пред Гиньеврой. Так клочья пены на морском берегу трепещут от ветра, готовые взлететь и упорхнуть. И стоило Гиньевре крикнуть: «Прочь!» — дева исчезла в мгновение ока. А Гиньевра, оставшись одна, постепенно остыла и, раздумывая обо всём случившемся, поняла: этот простодушный ребёнок не имел дурных намерений. «Просто мой грех меня выдал», — вздохнула королева и воскликнула:

— Господи, помоги мне! Я раскаиваюсь, и раскаяние моё искренне! Ведь даже в самых сокровенных мыслях не вспоминаю я о тех грехах, что прежде наполняли меня счастьем. А ещё я поклялась, что больше никогда не встречусь с Ланселотом, никогда его не увижу...

И тут Гиньевра, сама того не желая, вернулась памятью в те золотые дни, когда она впервые увидела Ланселота. Вновь она скакала вместе с ним по зелёным холмам и лесам, бродила по дубовым рощам и охотилась на диких уток и куропаток.

И вдруг в эти её сладкие греховные грёзы ворвались со двора чьи-то приглушённые голоса, затем раздался конский топот, и по кельям прокатился крик: «Король! Король!»

Гиньевра от неожиданности застыла и сидела так, прислушиваясь к шуму, до той поры, пока в галерее, что вела к её дверям, не раздался звон доспехов. Тогда она безвольно соскользнула с кресла на пол и пала, распластавшись, ниц. Закрыв лицо белыми как молоко руками, она услышала, как замерли рядом с ней звенящие шаги, и настала мёртвая тишина. Королева не могла понять, сколько прошло времени — секунда или вечность, когда раздался глухой, словно призрачный, голос, в котором Гиньевра с трудом узнала голос короля:

— Не подумай, что я пришёл, чтобы укорять или проклинать тебя за твои преступления. Нет, я пришёл, чтобы тебя простить и навек проститься. Ибо с того момента, как я узнал, что ты здесь, а не в замке Ланселота, ненависть моя к тебе прошла.

Он смолк. В нависшей тишине Гиньевра, зарыдав, обхватила руками его ноги.

— Не плачь, — снова сказал Артур. — Я тебя по-прежнему люблю и не могу без жалости глядеть, как ты униженно склоняешься предо мной. Но королевой тебе больше не быть, как и мне больше не возвратиться в Камелот. Лучшие мои рыцари оставили меня. Кто ушёл с Ланселотом, кто встал на сторону Модреда, который, посчитав, что я ослаб и не в силах с ним справиться, заключил против меня союз с язычниками. Но Небо говорит мне: предатель ошибается. Ему меня не одолеть. Только и мне, чувствую, суждено погибнуть в великой битве. А теперь прощай. И, если удастся тебе очистить свою душу и обрести опору во Христе, верю, мы ещё встретимся, но не здесь, на земле, а там, в горнем мире, пред ликом Господа. И тогда ты откроешь мне свои объятия и скажешь: «Ты — муж мой! И не нужно мне никого, кроме тебя!»

Так он сказал, и Гиньевра вдруг краем глаза углядела, как его рука совершает над ней благословение.

Когда шаги Артура затихли вдалеке, Гиньевра, бледная как смерть, поднялась с пола и бросилась к окну. Король в это время как раз сиделся

на коня. Рядом, держа факелы, стояли печальные монахини. Артур им что-то говорил. И Гиньевра поняла, что он наказывает монахиням заботиться о ней. Но лица короля Гиньевра не увидела: забрало его шлема было уже опущено. Зато она увидела вдалеке, в клубящемся сыром тумане, освещённый множеством факелов стяг, на котором сиял золотой дракон, символ Дома Пендрагонов.

Спустя мгновение король Артур пришпорил коня, выехал за ворота и скрылся в белом тумане.

Гиньевра хотела крикнуть ему вслед: «Артур!» — но голос ей изменил. Тогда она упала на постель и лишилась чувств. Вдруг кто-то коснулся её руки. Заставив себя очнуться, королева увидела юную послушницу. Девушка, стоя пред ней на коленях, молила о прощении.

— Как же, дитя, мне тебя не простить, — сказала Гиньевра, — если и меня простили!

А когда она, подняв глаза, увидела рыдающих монахинь, стоявших возле стены, сердце её оттаяло, и Гиньевра, зарыдав вместе со всеми, промолвила:

— Теперь вы знаете, что я и есть та великая грешница, та королева. Так укройте же меня здесь, в стенах этого монастыря, от голосов, что кричат мне: «Позор!» Ибо презирать меня вы не должны. Ведь король меня любит, любит по-прежнему. И коль вы не боитесь звать меня сестрой, то разрешите мне стать монахиней. И буду я так же, как вы, выполнять монастырские обряды, молиться, поститься, не гнушаться никакой работы и подавать больным и нищим. Тогда, быть может, со временем мне удастся искупить свою вину...

И конечно же монахини приняли её в монастырь. А когда не стало их игуменьи, Гиньевру за её безгрешную жизнь, за силу молитв и умение творить добрые дела избрали новой игуменьей. И была она ею три кратких года, а затем ушла туда, где ждал её вечный покой.

